

В.В. Струве

История Древнего Востока
Краткий курс

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.В. Струве**
История Древнего Востока: Краткий курс / В.В. Струве – М.: Книга по Требованию, 2021. – 135 с.

ISBN 978-5-458-26713-7

ISBN 978-5-458-26713-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

К ВОПРОСУ О РАБСТВЕ НА ВОСТОКЕ

Громадным достижением марксистской исторической науки в СССР является то, что проделана колоссальной теоретической значимости работа по подытоживанию, систематизации и разработке всех высказываний классиков марксизма о развитии докапиталистических обществ. К достижениям, которые по своим результатам будут иметь еще большее значение, следует отнести и ту начавшуюся подлинную реконструкцию исторической науки о докапиталистических обществах, которая заключается в исследовательской разработке большого конкретного исторического материала, в поднятии для марксистского исследования настоящей целины исторических фактов — нового материала докапиталистической истории, который или еще не подвергался совершенно исследованию или был еще недостаточно исследован с марксистской точки зрения.

Предлагаемая вниманию читателя книга по истории древнего Востока представляет для нас большой интерес.

Эта работа интересна в связи, во-первых, с учетом высказываний Ленина о рабстве, которые берутся в основу, и, во-вторых, в связи с переработкой конкретного исторического материала, что делается параллельно.

Представляя собою краткий курс лекций проф. Струве, данная книга является первой попыткой поставить вопрос о типе социально-экономических отношений на Востоке совершенно по-новому.

Всем известно, как этот вопрос ставился до сих пор. Теория феодализма, вернее, его разновидности на Востоке, служила отправным пунктом изучения социально-экономических отношений как в странах переднего (классического) Востока древности, так и в странах Восточной Азии (Китай, Индия и др.), для которых феодализм устанавливался на заре классового развития и доводился едва ли не до начала XX в., а иногда и до нашей современности. Подобная априорная теория развивалась на всех дискуссиях по модному в свое время вопросу о так называемом «азиатском способе производства». Считалось верхом ортодоксальности вторить голым схемам, быстро размножившимся в различных «исторических» сборниках, о феодализме на Востоке. Нечего и говорить, что авторы этих голых схем попадали в просак главным образом из-за своего незнакомства с конкретно историческим материалом по древнему Востоку и оперировали по преимуществу старыми абстрактными историко-философскими схемами общественного

развития. Совершенно ясно, что эта теория «вечного феодализма» или восточной разновидности феодализма являлась слабым прикрытием гегелевской «неисторичности» в развитии народов Востока. От подобной установки отдавало также и европоцентризмом, поскольку европейский путь развития исторического процесса как путь «классический» выдвигался как исторический образчик и противопоставлялся историческому процессу народов Востока, у которых отрицалось не только рабство как первая форма классового деления общества, но в развитии которых и феодализм выступал в «несовершенной» и «неразвитой» форме «восточной разновидности».

Конечно никто спорить не будет: историческое развитие народов Востока имело свою специфику. Но подчеркивать эту специфику в такой степени, чтобы для стран Востока наметить свой некий особый исторический процесс, это значило из исключения делать правило, а в противовес марксову закону развития социально-экономических формаций как всемирноисторическому процессу выдвинуть новый закон для Востока. К этому неизбежно приводила вся логика сторонников «вечного феодализма» на Востоке. Совершенно естественно, что такая логика не всегда мирилась с фактами и очень скоро стала нуждаться в исправлении и уточнении.

Теперь уже никто почти не сомневается в том, что для древнейших периодов истории народов Востока этот вопрос о господствовавшем там способе производства должен быть поставлен по-новому. Не столько виной, сколько бедой старых сторонников разновидности феодализма на Востоке являлось то, что в их представлении история народов Востока рисовалась очень упрощенно, без внимательного учета исторических периодов, без учета разнообразия материала, массы деталей социально-экономической жизни.

Уточнение и правильное разрешение поставленной проблемы должно идти, во-первых, по линии изучения конкретного исторического материала, учета основных и руководящих в работе историка-марксиста высказываний Ленина о первой форме классового общества, данных в его лекции «О государстве». Эти высказывания необходимо взять как методологические установки в разрешении поставленной проблемы. А они сводятся в сущности к одному основному и генеральному положению, что через рабский способ производства прошло большинство всех стран мира и что рабы и рабовладельцы — это первая форма классового деления общества.

Во-вторых, необходимо, более детально изучив фактический материал, уточнить периодизацию истории народов Востока. Нельзя эту историю брать «вообще» и методом исторической «уравниловки» обезличивать все своеобразие ее отдельных эпох и периодов. При современном состоянии источников (как вещественных, так и письменных) становится совершенно ясным, что например древняя история Египта (доэллинистического периода), Двуречья (до эпохи Сассанидов) должна быть выделена от последующей их истории, так же, как, скажем, история древней Индии (от Риг-вед до эпохи буддизма) и древнего Китая (включая ханьскую эпоху до так называемого «троецарствия»)

должна быть также особо учтена для исторического исследования. Этот грубо взятый хронологический отрезок истории древнего Востока характерен, во-первых, тем, что в этот период осуществляются распад первобытных отношений и формирование первого классового общества. Во-вторых, столь обильный исторический материал этих отделов истории до сего времени мало исследовался с точки зрения социально-экономической истории народов древнего Востока.

Отсюда вся жгучесть и острота вопросов о распаде первобытно общинных отношений и о том типе социально-экономических отношений, который начинает господствовать в слагавшемся классовом обществе в древнем Востоке. И если последующая за этим периодом древняя и более поздняя история Востока не вызывает сомнений в оценке ее феодального пути развития, то вышеотмеченный период, с точки зрения господствовавшего тогда способа производства, вызывает много споров. Эти споры отчасти можно проследить и в русской до-революционной историографии по древнему Востоку. Известный историк древности М. М. Хвостов пишет например следующее: «В экономическом отношении древний Восток прошел ранние стадии хозяйственной эволюции, но народного хозяйства в бюхеровском смысле не достиг»¹. Совершенно очевидно, что М. М. Хвостов намекает здесь на те натурально-хозяйственные, т. е. феодальные, отношения, которые по схеме К. Бюхера как раз и предшествуют «народному хозяйству». В отношении например древнего Египта М. М. Хвостов совершенно отчетливо формулирует феодальную точку зрения (см. например стр. 99—102). Более осторожен по отношению к обобщениям социологического порядка был Р. Ю. Виппер, который историю народов древнего Востока брал более дифференцированно. Так например, выделяя культуру древнего Сумира, он писал следующее о господствующем там типе хозяйственных отношений: «В общественной среде, к которой относятся эти документы (сумерийские. — А. М.), повидимому нет крестьянства в нашем смысле — мелких самостоятельных хозяев. Община как хозяйственно-политическое целое имеет во главе бюрократию, которая производит разделы полей, ведет межевание, собирает продукты в огромные склады и берет на себя пропитание рабочего состава»².

«Рабочий состав» у Р. Ю. Виппера конечно совершенно иная категория, чем крестьянство в «феодальных владениях» у М. М. Хвостова. Нечего говорить, что неизученность конкретного исторического материала этого древнейшего исторического периода в жизни народов Востока требует большей осторожности и особого подхода к нему, а не того, чтобы валить его в одну кучу с последующим действительно феодальным развитием стран Востока. Тем более, что продолжающееся раскрытие источников этого древнейшего периода, восходящего примерно от четвертого тысячелетия к первым векам нашего летосчисления, дает, по мнению автора данной книги, все бо-

¹ «История древнего Востока», стр. 6—7, М. 1927 г.

² «Древний Восток и эгейская культура», стр. 32, М. 1910 г.

лее и более материала для установления на Востоке рабства и рабовладельческих отношений.

К сожалению вновь выставленное положение развивается автором недостаточно и притом только на материале переднего или так называемого классического Востока, что несколько умаляет значение этой книги и как учебного пособия, поскольку в программы вузов включено изучение древней истории Индии и Китая. В своем лекционном курсе автор не останавливался подробно на конкретных примерах анализа рабства в древнем Востоке. Автор это прекрасно восполняет в специальных и позднее написанных работах по данному вопросу¹.

Предложенная новая постановка вопроса о рабстве на Востоке выдвигает всем ходом своего изложения две проблемы, которые соответствующим образом и разрешаются автором.

I. Первое — это проблема прохождения через рабство большинства всех стран мира, на что Ленин, как известно, в своей лекции «О государстве» не только дает утвердительный ответ, но и делает колоссальной значимости вывод, что рабовладительство есть первая форма классового общества.

Устанавливая по источникам рабство в Египте, Вавилоне и Ассирии и в других странах переднего Востока древнейшего периода, автор ленинскую постановку вопроса о первой форме классового общества переносит и на страны Востока. Разрешая таким образом вопрос и о способе производства, он с самого начала как бы отводит попытки сужения рабского способа производства рамками только Греции и Рима, а также и попытки подменить ленинское указание о «большинстве» народов, проходивших через рабство, только древними народами Греции и Рима или даже странами Западной Европы, которые все вместе конечно дают все же только меньшинство народов мира. Это не значит, что автор везде предлагает нам одни и те же для всех стран как бы «стандартные» формы рабства. Вовсе не так. Рабство на Востоке выступает в ином и отличном от греко-римского типа виде.

Следует однако отметить, что автор краткого курса по древнему Востоку как раз и в этом отношении не дает достаточно четкую характеристику внутреннего строения первого классового общества на Востоке. Как в отношении древнего Египта, так и Двуречья выдвигаемое им понятие классовой структуры территориальной общины, которая в виде чего-то целого противопоставляется классу рабов как коллективный собственник рабов, нуждается несомненно в дальнейшем уточнении. Мы охотно признаем трудности конкретного представления или, лучше сказать, установления конкретных форм первых классовых структур общества и видов рабства, однако при всем этом нельзя не считать предлагаемое автором представление мало удовлетворительным.

II. Вторая проблема, которую автор ставит и соответствующим образом решает параллельно разбору конкретного материала, — это проблема о прогрессивности в развитии общественных формаций, что

¹ См. например В. В. Струве, Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока, «Известия ГАИМК» № 77; «Очерки социально-экономической истории древнего Востока», «Известия ГАИМК» № 97.

Ленин, развивая учение Маркса, как известно, не один раз акцентирует. Прогрессивность хода исторического развития, несмотря на некоторые моменты попятного движения общества, является безусловно одним из отправных положений марксизма-ленинизма. В «Критике политической экономии» Маркс установил во всемирноисторическом развитии смену общественно-экономических формаций — рабовладельчества, феодализма и капитализма — как прогрессивность хода исторического развития. Из этого следует, во-первых, что каждая новая формация общества, которая следует за старой, является более развитой, т. е. прогрессивной, и, во-вторых, эта прогрессивность хода всемирноисторического процесса не допускает перехода от более развитой формации общества к менее прогрессивной, — скажем, от рабовладельческого общества к первобытному коммунизму или от капитализма к экономическим отношениям феодализма. Такого развития общество не знает. Наоборот, история и подлинно научное отражение ее процесса в марксистской теории говорят, что первобытный коммунизм после своего разложения неизбежно приходил к рабовладельческому обществу, капитализм в процессе своего распада приходил не к феодализму, а к диктатуре рабочего класса и построению социалистического общества.

В кратком курсе истории Востока на этой проблеме прогрессивности заостряется внимание, чтобы противопоставить это отправное положение марксизма-ленинизма буржуазным теориям циклизма в общественном развитии, в объятиях которых в частности попадают сторонники феодализма на Востоке.

Как известно, сторонники феодализма на Востоке, не затрудняя себя детальным анализом социально-экономических отношений, рассматривают последние по трафарету как феодальные, которые потом повторяются в развитии средневековой Европы, где они приводят уже к капитализму. На Востоке, правда, капитализм не сложился, но развитие там «феодальной разновидности» по мнению сторонников циклизма может зато иметь своим результатом вспышку рабовладельчества. Но и в том и другом случае мы дескать наблюдаем как бы «аналогичный цикл» развития.

Недаром ведь у маститого представителя теории циклизма — у Э. Мейера — рабство свободного труда в новое время в такой же степени вытекает из средневекового феодализма, в какой классические формы рабства в античности вытекают из доантичного героического «средневековья» (например гомеровской Греции).

В своей вводной части В. В. Струве совершенно правильно обращает внимание, что сторонники феодализма на Востоке недооценивают проблему прогрессивности исторического развития. Ведь поэтому-то у них и получается, что этот восточный феодализм в своем развитии или превращается в рабство (например у Н. М. Никольского в Двуречье в эллинистическую эпоху)¹ или остается «вечным», причем в этом случае становится совершенно неизвестным, какие внутренние закономерности заложены в этом феодализме.

¹ Пользуюсь выступлением Н. М. Никольского в московском отделении ГАИМК по вопросу о рабстве на Востоке.

Иначе говоря, неизвестно, почему этот феодализм не движется к следующей прогрессивной фазе общественного развития — к капитализму, к которому должна бы идти, по Марксу, вся диалектика внутреннего развития феодализма, если конечно какой-нибудь фактор извне не нарушает закономерности этого развития (скажем, некапиталистический путь развития при господстве социалистических элементов в эпоху диктатуры пролетариата).

Сторонники феодализма на Востоке обходят все эти вопросы прогрессивности исторического процесса. Поэтому правильно отмечается в вводной части курса В. В. Струве, что эта теория вечного феодализма на Востоке в известной степени связана с буржуазными теориями циклизма, видным представителем которого является Э. Мейер. Автор курса разрешает все эти вопросы, устанавливая рабство в странах Востока древнейшего периода, причем показывает это не только в своей вводной теоретической части, но и на всем протяжении изложения фактической истории древнего Востока.

Так разрешаются два чисто методологической значимости вопроса: о первой форме классового общества на Востоке и о характере исторического процесса в этих странах в связи с марксистским учением о прогрессивности социально-экономического развития.

Надо заметить однако, что подобное решение проблемы о способе производства на Востоке в древний период нельзя еще признать законченным, ибо на ряд отдельных вопросов общей проблемы это решение еще не отвечает. Но данная постановка проблемы является безусловно движением вперед к следующей ступени как в деле разрешения назойливой проблемы «азиатского способа производства», так и в деле дальнейшего уточнения понятия рабского способа производства.

Из наиболее неисследованных вопросов в этой работе по Востоку является проблема «о первобытных формах рабства», которые Ленин устанавливал в первой классовой формации общества. Что представляют собою первобытные формы рабства — это вопрос, который остается пока еще невыясненным, и разрешение его безусловно должно иметь колоссальное значение для изучения подлинных и конкретных форм рабства на Востоке.

Пока нам только известно, что «первобытные формы рабства», о которых говорит Ленин, дают нам рабство не переходного периода от доклассовых отношений, от общины к классовому обществу, как думают некоторые. Это конечно и не патриархальное рабство.

Из всего контекста замечаний Ленина о рабстве, вернее, о первобытных его разновидностях, следует, что при этой форме рабства существуют рабы и рабовладельцы как основные классы и не переходного периода, а образовавшейся классовой формации общества. Другими словами, мы имеем здесь не переходный период, а сформировавшуюся на базе первобытных форм рабства рабовладельческую формацию общества.

А что именно так Ленин устанавливал соответствие первобытным формам рабства определенной формации общества, следует из того указания Ленина, где он говорит, что общество от этих «первобытных форм рабства переходит к крепостничеству». Первобытным формам раб-

ства соответствует рабский способ производства, а крепостничеству — феодализм, — из этого контекста разумеется все это само собою. Первобытные формы рабства Ленин находил в первой классовой структуре обществ большинства всех народов мира¹. В нашей исследовательской работе крайне важно установить теперь, что это за первобытные формы рабства, каковы их виды конкретно, чем они отличаются от античных форм рабства.

Пока мы можем только поставить этот вопрос, а разрешение его возможно осуществить лишь в плане большого конкретного исторического исследования.

Но тот конкретный материал, которым мы располагаем по древнему Востоку, заставляет нас высказать предположение, что первобытные формы рабства суть та самая форма рабства, которая стала складываться при свежести еще общинных или марковых (как например у германских народов) отношений; там же, где они оказывались особенно живучи, они тормозили развитие этих форм рабства в более высокие формы античного рабства.

Территориальная община в Египте или в Индии, законсервировавшаяся в развитии классового общества, долго, как известно, сохраняла и первобытные формы рабства. И подход автора данной книги с этой именно стороны к проблеме рабства на Востоке конечно не лишен интереса.

При первобытных формах рабства мы можем даже допустить, что раб не только как экономически порабощенный член общины, но и как захваченный в плен на войне мог быть посажен на соответствующий земельный надел и мог обрабатывать его за оброк. И едва ли здесь обязательно мог сложиться феодализм, ибо в противоположность крепостному этот раб, как и античный, не имел собственности и средств производства на основе частной собственности. Форма соединения рабочей силы со средствами труда, а также апроприация личности производителя здесь типичная для рабства. И такое, можно было бы назвать его «кабальное», рабство мы можем проследить не только на Востоке, где его в известной степени устанавливает данная работа, но и в античных Греции и Риме, где наряду с античными формами, более развитыми, существовали и эти «первобытные формы рабства». Вот это-то обстоятельство нам и надо подчеркнуть, ибо с нашей точки зрения оно и лежало в основе ленинского дифференцирования рабства в древности. Перед Лениным был конечно большой конкретно исторический материал, который давал ему право говорить о «первобытных формах рабства», через которые прошло большинство частей света, и об античном рабстве, на котором «целиком покоились» Греция и Рим. В задачу вводной статьи не входит приводить весь этот конкретно исторический материал, однако мы сошлемся на некоторые данные из истории древнего Востока в плане предварительной разведки материала. Эти конкретные данные заставляют нас высказать предположение, что «первобытные формы рабства» являлись типичными именно

¹ Ленин, «О государстве», Соч., т. XXIV, стр. 366—367. 3-е издание.

для стран древнего Востока и представляют собою ту самую «вариацию» рабства, которая стала складываться еще при свежести общинных отношений и при господстве государственной и общинной собственности, которые, как раз в странах Востока оказавшись наиболее живучими, тормозили развитие этой вариации рабства в более высокие формы античного рабства.

Возьмем к примеру древнюю Индию. Неисследованность ее древней истории скрывает от нас подлинный характер общественных отношений. Однако, если мы возьмем Риг-ведический период, то в стране Ариаварты индийский эпос дает определенное деление населения, притом только на две следующие группы: это, во-первых, так называемые «арии», т. е. осевшие земледельцы, и «дасью», к которым относились все завоеванные и поработанные племена темной расы. Характерно, что к «дасью», правда, под несколько измененным термином «даса» относятся вообще рабы, независимо от того, принадлежат ли они к темнокожим или к белому племени, «говорят ли они на языке млекхов (варваров) или на языке «ариев», как это говорится в «Законах Ману» (X, гл. 45). Это безусловно говорит уже о довольно сильном развитии рабства в Индии в ведический период, тем более, что кроме установленного деления населения на земледельцев и рабов в Риг-ведах не указывается совершенно ни на какие другие прослойки общества. Тем более не приходится еще говорить о кастах, о которых во всем эпосе Риг-веды имеется разве один только намек в десятой песне о Пуруше-Сукта (X, гл. 90), которая санскритологами относится все же к поздневедическому периоду.

Что же касается рабства на Востоке, его особой, отличной от античности формы, то это своеобразие рабства до сих пор недооценивается. При первобытных формах рабства мы можем допустить, как уже указывалось выше, что не только захваченный в плен на войне раб, но и экономически поработанный член общины мог быть посажен на соответствующий надел и должен был обрабатывать его за оброк. И едва ли здесь обязательно следует видеть феодализм, ибо в противоположность крепостному этот оброчный раб, как и античный, не имел собственности и средств производства на основе частной собственности. Между прочим такой вид рабства хорошо отражен в одном из основных документов древней Индии в браманский период в «Законах Ману». В этом документе кодифицированы различные формы рабства. Так мы имеем там перечисление следующих семи видов рабства: «Человек, взятый в плен, раб, который служит из-за пищи, рожденный в доме, купленный, подаренный, ранее принадлежавший отцу своего настоящего владельца и человек, который отрабатывает подати» («Законы Ману», VIII, гл. 41). Мы обращаем внимание на последний вид рабства. Он как будто дает скорее пример крепостнического труда, и здесь поэтому рождается много соблазнов отнести его к феодальным отношениям. Однако такое соображение должно отпасть, если учесть дальнейшее пояснение из «Кодекса Ману». Там дальше устанавливается, что всем этим перечисленным видам рабства обще то, что ни одна из этих категорий — рабов — не может иметь собственности:

«все, что раб приобретает, принадлежит тому, кому принадлежит сам раб» (VIII, гл. 416). Таким образом формой классового угнетения является не столько прикрепление к земле, не столько экспроприация земли у масс, сколько апроприация личности. Одновременно и форма соединения производителя со средствами производства здесь, если внимательно вникнуть в детали экономического положения производителя, дает безусловно рабский труд и рабовладельческую форму эксплуатации.

Вторым характерным моментом «первобытных форм рабства» является то, что в условиях древнего Востока при господстве там общинной и государственной собственности на землю, на ирригационные сооружения и т. д. и рабство представлено главным образом в форме общинной собственности. «Граждане государства обладают властью над своими рабами, — говорит Маркс, — лишь коллективно и уж по одному этому связаны с формой общинной собственности. Это — коллективная частная собственность активных граждан, вынужденных по отношению к рабам держаться этой натуральной формы ассоциации»¹. Эта общинная или государственная форма рабства, дающая нам, как мы видели из истории Индии, пример «кабального» рабства, может быть прослежена и в древнейший период Китая. Так, скажем к примеру, из китайских летописей Чун-цю и Чжоу-ли Георгиевский устанавливает в Китае отношения рабовладельчества, при которых существовали особые чиновники по заведыванию обращенными в рабство людьми². Мы не можем конечно установить размеров рабовладельчества в Китае на основании этих данных, но самая форма рабства обращает на себя внимание.

Более точные сведения в отношении размеров рабства дает нам история классического Востока. Приходится отметить недооценку рабства прежде всего в древнем Египте, хотя достаточно было бы взять в руки публикации Брестэда в его «Ancient Records of Egypt», чтобы убедиться, в каком размере комплектовались рабами хозяйства фараонов, его наместников и храмов. Если мы данные папируса Harrisà, по которым в царствование Рамзеса III в храме Амона исчислялось 86 486 человек, а для храма Пта — 3 079 рабов, и будем считать преувеличенными³, то документы второй части публикаций Брестэда подтверждают все же большие размеры рабства в Египте. Так в документе № 436 устанавливается 1 796 рабов-азиатов; в § 555—1 578 рабов-сирийцев; в § 854—740; в § 480—606; в § 509—522 раба и т. д. Наряду с этими крупными рабовладельческими хозяйствами были конечно и мелкие, располагавшие рабами в количестве 95, 60, до 10 и даже 2 человек⁴.

Чтобы не загромождать изложение, мы не будем приводить данных о рабстве в Двуречье. Укажем лишь на то, что Meissner в своей

¹ «Архив Маркса и Энгельса», кн. I, стр. 254.

² Георгиевский, Первый период китайской истории до Цинь Хуань-ди, стр. 246—247.

³ См. эти данные у Breasted, IV, § 222—225, 338.

⁴ Breasted, II, § 447, 494, 495, IV, § 680—682.

работе «Babylonien und Assyrien»¹ устанавливает из данных царских надписей рабство в Ассирии не только в ремесле, что вообще не отрицалось, но и в сельском хозяйстве, не говоря уже о храмовых рабах, которые очевидно как раз и использовались главным образом в сельском хозяйстве.

Размеры вводной статьи не позволяют привлечь возможно большего количества данных о размерах рабства в древнем Востоке. Да и не эта сторона вопроса интересует нас в первую очередь. Того, кто именно этим интересуется в изучении древнего Востока, мы отсылаем к специальным работам проф. Струве, в которых о рабстве у сумириков, египтян, вавилонян и хеттов приведен достаточный материал².

Вышеприведенные данные мы указали не столько для того, чтобы проиллюстрировать размеры рабства на Востоке, сколько для того, чтобы отметить специфичность его в условиях господства по преимуществу общинной и государственной собственности и слабого развития движимой и недвижимой частной собственности. Эта специфичность целиком должна войти в содержание тех первобытных форм рабства, при которых: 1) законсервировавшиеся, старые общинные отношения сохраняют государственную форму владения рабами в виде общинных, храмовых и т. д. наряду с частным, хотя и мало развитым рабовладением; это обстоятельство тормозило развитие движимой и недвижимой собственности, в эмпирических условиях ирригационного хозяйства оно не развивало противоречий в борьбе форм собственности, а потому и создавало застойность в движении этого общества; 2) раб может быть посажен на землю, снабжен инвентарем, как это делалось, скажем, в особенности в персидскую эпоху в Двуречье, и обрабатывать землю, неся «рабский оброк», причем основным все же здесь являлось не прикрепление к земле, а возможность отчуждения раба от земли, т. е. апроприация его личности, лишенной не только средств производства, но и прав распоряжаться своей собственной рабочей силой; 3) «рабский оброк» отличается здесь от создававшегося античным рабом прибавочного продукта тем, что остававшееся необходимое время в первом случае давало возможность воспроизводить рабочую силу и путем размножения, в то время как во втором случае путь воспроизводства через размножение был в основном закрыт.

Это последнее обстоятельство объясняет нам наличие семьи и разрешение ее иметь у рабов на Востоке и отсутствие семьи и запрещение ее у рабов в античности, что в свою очередь раскрывает нам, почему в деле приобретения рабов захват и войны в античности имели большее социальное значение, чем войны на Востоке, где они никогда не были значительны.

Этот характер первобытных форм рабства, через которое прошло большинство человечества, отличает эту вариацию рабства от той редкой и наиболее развитой ее формы, которую мы наблюдаем в античности и которая достаточно уже известна.

¹ В. I. S. 381—382.

² См. «Рабовладельческая латифундия в Сумире», статья в сборнике в честь акад. С. Ф. Ольденбурга, также «Известия ГАИМК» № 77, «Известия ГАИМК» № 97.